

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

<О русских писателях>

«Пишет старый газетчик»

<Фрагмент>

...Когда у вас будет побольше свободного времени, почитайте книгу Толстого, которая называется «Война и мир», и вы увидите, что все пространные исторические рассуждения, которые ему, вероятно, казались самым лучшим в книге, когда он писал ее, вам захочется пропустить, потому что даже если когда-нибудь они и имели не только злободневное значение, теперь все это уже неверно или неважно, зато и верным, и важным, и неизменным осталось изображение людей и событий.

«Зеленые холмы Африки»

<Фрагмент>

...Подниматься обратно вверх по песчаному ущелью было трудно из-за жары, и, одолев подъем, я с удовольствием сел у дерева, прислонился спиной к стволу и открыл «Севастопольские рассказы» Толстого. Книга эта очень молодая, и в ней есть прекрасное описание боя, когда французы идут на штурм бастионов, и я задумался о Толстом и о том огромном преимуществе, которое дает писателю военный опыт. Это одна из самых важных тем, и притом такая, о которой труднее всего писать правдиво, и писатели, не видавшие войны, всегда завидуют ветеранам и стараются убедить себя и других, что эта тема незначительная, или противоестественная, или нездоровая, тогда как на самом деле они упустили то, что нельзя возместить ничем. <...>

* * *

...«Севастопольские рассказы» Толстого были все еще со мной, и в этом же томике я прочел повесть «Казачьи рассказы» — очень хорошую повесть. Там был летний зной, комары, лес — такой разный в разные времена года, и река, через которую переправлялись татары, и я сам жил в тогдашней России. <...>

Люди не хотят больше заниматься искусством, потому что тогда они выйдут из моды, и вши, ползающие по литературе, не удостоят их своей похвалы. Трудное это дело. Ну и что же? Ну и ничего — я буду читать о реке, через которую переправлялись татары, о пьяном старике-охотнике, о девушке и о том, как по-разному бывает там в разные времена года. <...>

<Предисловие к антологии> «Люди на войне»
<Фрагменты>

Я не знаю никого, кто писал бы о войне лучше Толстого, его роман «Война и мир» настолько огромен и подавляющ, что из него можно выкроить любое количество битв и сражений — отрывки сохраняют свою силу и правду, и проделанное вами не будет преступлением. В сущности, книга эта могла бы быть значительно улучшена сокращением; не сокращением за счет действий и событий, но изъятием некоторых разделов, где Толстой круто обходится с правдой, чтобы подогнать ее к своим выводам. <...>

Презрение здравомыслящего человека, побывавшего солдатом, которое он чаще всего испытывает к генералитету, Толстой доводит до таких пределов, что оно граничит с абсурдом. Большинство генералов заслуживает его оценки, но он взял одного из действительно великих полководцев и, побуждаемый мистическим национализмом, попытался доказать, что этот генерал, Наполеон, на самом деле не руководил ходом своих сражений, а был попросту игрушкой неподвластных ему сил. И в то же время Толстой, изображая русских генералов, очень подробно и точно показывает, как они руководили операциями. Ненависть и презрение Толстого к Наполеону — это единственное уязвимое место этой великой книги о войне.

В прошлом <1941> году редакторы нового издания «Войны и мира» предложили мне написать предисловие и провести в нем параллель между гитлеровским вторжением в Россию и вторжением Наполеона. Самая мысль о возможности сравнивать такие

явления показалась мне столь несообразной, что я отказался. Я люблю «Войну и мир» за удивительное, глубокое и правдивое изображение войны и народа, но я никогда не доверял рассуждениям великого графа. Мне бы хотелось, чтобы рядом с ним был достаточно авторитетный для него человек, который посоветовал бы ему снять самые грузные и неубедительные рассуждения и дать простор правдивому вымыслу. Придумать он мог больше и с большей глубиной и правдивостью, чем кто-либо другой на свете. А его тяжеловесное, мессианское мышление было не лучше, чем у многих других профессоров и евангелистов истории, и на этом примере я научился не доверять своему собственному Мышлению с большой буквы и стараться искать как можно правдивее, честнее, объективнее и скромнее. <...>

Показ действий Багратионова арьергарда — это лучший и правдивейший отчет о подобных действиях из всех, какие я когда-либо читал; изображая происходящее в сравнительно небольшом масштабе, позволяющем обозреть целое, он дает такое понимание того, что собою представляет битва, какое еще никем не было превзойдено. Я предпочитаю это изображение Бородинской битвы, как бы оно ни было бы величественно. А затем идет удивительный рассказ о первом деле Пети и о его смерти. <...> В нем и восторженность, и свежесть, и благородство первого участия юноши в трудах и опасностях войны <...>, о которой ничего не знает тот, кто через нее не прошел.

<Из письма> У. Фолкнеру 23 июля 1943 г.

...Всегда надо писать так, как будто соперничаешь с мастерами прошлого, чтобы побить их одного за другим. Но почему вы хотите сразу сразиться с Достоевским? Побейте сначала Тургенева, что мы с вами неплохо когда-то и сделали при кровавом давлении 205 на 115 (вполне прилично для того времени). Потом пригвоздите Мопассана... Затем возьмитесь за Стендаля.

<Из книги> «Праздник, который всегда с тобой»

С тех пор как я обнаружил библиотеку Сильвии Бич, я прочитал всего Тургенева, все вещи Гоголя, переведенные на английский, Толстого в переводе Констанс Гарнетт и английские издания Чехова. В Торонто, еще до нашей поездки в Париж,

мне говорили, что Кэтрин Мэнсфилд пишет хорошие рассказы, но читать ее после Чехова — все равно что слушать старательно придуманные истории еще молодой старой девы после рассказа умного знающего врача, к тому же хорошего и простого писателя. Мэнсфилд была как разбавленное пиво. Тогда уж лучше пить воду. Но у Чехова от воды была только прозрачность. Кое-какие его рассказы отдавали репортерством. Но некоторые были изумительны.

У Достоевского есть вещи, которым веришь и которым не веришь, но есть и такие правдивые, что, читая их, чувствуешь, как меняешься сам, — слабость и безумие, порок и святость, одержимость азарта становились реальностью, как становились реальностью пейзажи и дороги Тургенева и передвижение войск, театр военных действий, офицеры, солдаты и сражения у Толстого. По сравнению с Толстым описание нашей Гражданской войны у Стивена Крейна казалось блестящей выдумкой больного мальчика, который никогда не видел войны, а лишь читал рассказы о битвах и подвигах и разглядывал фотографии Брэди, как я в свое время в доме деда. Пока я не прочитал «Chartreuse de Parme»^{*} Стендаля, я ни у кого, кроме Толстого, не встречал такого изображения войны; к тому же чудесное изображение Ватерлоо у Стендаля выглядит чужеродным в этом довольно скучном романе. Открыть весь этот новый мир книг, имея время для чтения в таком городе, как Париж, где можно прекрасно жить и работать, как бы беден ты ни был, все равно что найти бесценное сокровище. Это сокровище можно брать с собой в путешествия, и в городах Швейцарии и Италии, куда мы ездили, пока не открыли Шрунс в Австрии, в одной из высокогорных долин Форарльберга, тоже всегда были книги, так что ты жил в найденном тобой новом мире: днем снег, леса и ледники с их зимними загадками и твое зимние пристанище в деревенской гостинице «Таубе» высоко в горах, а ночью — другой чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные. Но долгое время только русские.

^{*} «Пармская обитель» (франц.).